

ВСТУПЛЕНИЕ К СЦЕНАРИЮ

Всероссийское Фото-Кинематографическое Акционерное О-во
«СОВКИНО»

Москва, Гнездииковский пер. 7 [нрзб.]

Главискусство, Чл. Худож. Совета — т. Бляхину

На Московскую фабрику представлено С. Третьяковым либретто
«Хочу ребёнка», намеченное для постановки режиссёром Роо-
мом.

Считая необходимым предварительно обсудить в Художественном Совете вопрос об этой постановке, Худ. Отдел присылает Вам при ... либретто, в одном экз., и просит:

1. Дать своё письменное заключение по вопросу об этой постановке, с указанием также необходимых поправок, которые Вы считаете необходимым внести в это либретто.

2. Принять участие в заседании Худ. Совета для обсуждения этого вопроса.

Заседание Художественного Совета состоится 29 июля с.г. [1929] в зале Правления / Гнездииковский 7 / в семь часов вечера.

После обсуждения вопроса о либретто «Хочу ребенка», будет просмотр и обсуждение новой картины производства Совкино.

Зав. Худ.Отделом

Член дирекции: М. Рафес

Письмо от руки датировано 23 июля 1929 года и снабжено печатью, на которой можно разобрать лишь «июль 1929». О результатах заседания худсовета *Совкино* ничего не известно. Так или иначе, экранизация *Хочу ребёнка!*, которой добивался Третьяков, не состоялась.

Сергей Третьяков

ХОЧУ РЕБЁНКА!

Вступление к либретто

Столетиями рождались люди. От пьяных зачатий, от насильственных браков, от организмов, изъеденных туберкулёзом, малярией, неврозами и венерикой.

Зачатие — акт важнейший — оказывался актом случайнейшим и самым незащищённым.

Уже буржуазная цивилизация стала оберегать процесс выкармливания ребёнка, вынашивания его и роды. Кое-какие попытки мероприятий сделаны и в области правильного подбора пары родителей, чтобы наследственность, помноженная на наследственность, не отягчила собой потомство.

Мы научились харкать в урны, мыть руки перед едой и предупреждать друг друга: «не подходите, у меня грипп, и я заразен».

Но что, кроме весёлого смеха в обывательской гуще, вызовет фраза, прозвучавшая сквозь традиционное признание в любви: «Не трогай меня, я болен гонореей».

Научная директива стучится в самую завуалированную, задёрнутую густым чадом стыда и условности область человеческих отношений — сексуальную.

Поскольку брак в буржуазном обществе есть прежде всего предприятие коммерчески-хозяйственное, а дети в нём — расходная статья, развивается массовое сексуальное растратничество, когда люди всяческими способами приводят себя в состояние непрерывного сексуального опьянения, меньше всего интересуясь последствиями этого опьянения — ребёнком.

Разве бесплодные фокстротисты не являют собой пример массового помешательства на почве разлитого сексуального невроза, пример: людей, отсекших момент наслаждения от момента производства себе подобных.

Только там, где сломается прежний брак и осознается великая ответственность индивидуума, бывшего «хозяйчика», ныне «сотрудника», перед своими товарищами по жизни и перед грядущими поколениями, возможно будет вернуть зачатую всё целомудрие, всю ясность и всю социальную ответственность, которую оно потеряло, захлебнувшись в оргазме и гоноккоках.

Как мы можем писать любовь с большой буквы, если она занимается не столько размножением хороших людей, сколько размножением хороших гоноккоков и спирохет.

В отношении к зачатию причудливо смешиваются, с одной стороны, пахнущее всеми религиями и идеалистическими философиями чуть ли не обожествление этого момента, к которому, де, кощунственно подходить с какими бы то ни было рассудочными мерками, и в то же время величайшая неопрятность, случайность и безразличие.

Право же, любой образцовый племхоз является живым упрёком нынешнему состоянию человеческого «Тайного Тайных».

Только в Советской стране, стране невероятных экспериментов, проклёвывающих скорлупу сегодняшнего дня, находится та бережная рука, которая начинает выводить захлёбывающееся в собственных нечистотах человечество на новые пути. В частности, рука эта называется советской охраной материнства и младенчества, применительно к женщине и ребёнку. И одна из задач этой охраны, дав научную директиву, подтянуть к ней все индивидуальные кустарные усилия, попытки и опыты, которые возникают в самой гуще нашей на дыбы поднятой земли.

И как бы ни были на первый взгляд нелепы эти попытки отдельных людей оздоровить ответственнейшие области человеческого бытия, они требуют бережного отношения, ибо только тогда, когда мысль о новой целесообразности прорастает в привычку, когда новое сознание станет новым инстинктом, совершится переход человеческого поведения на новые рельсы.

ХОЧУ РЕБЁНКА!

Кино-либретто

В кадре движутся миллионы ворсинок, и движение это напоминает созревшее поле, колышное ветром в одну сторону.

На этом колыхании показывается огромный полупрозрачный шар, мерцающий радиальными нитями от светящегося в его центре ядра.

Шар этот катится по колышущемуся полю.

Тонкие жгуты с утолщёнными головками, стремительно извиваясь, движутся навстречу шару. Они обступают шар дёргающимися лучиками со всех сторон.

Один из них прокалывает оболочку шара.

Эта оболочка немедленно после прокола стекленеет, мутится, и сквозь муть видно, как головка жгута движется навстречу ядру и совпадает с ним.

Резким движением вся картина выдергивается из кадра.

Это — Милда агроном-животновод работает с микроскопом, на племпункте. Тяжеловесная женщина, без улыбки, с размеренными движениями и педантичными привычками.

Она отмечает на карточке «сперма здоровая, яйцо оплодотворено».

К Милде обращаются крестьянский паренёк и дюжий крестьянин. У крестьянина поросёнок, у паренёка — кролики.

Рядом с ней работает красивая женщина в такой же прозодежде, как она (Ласкова).

Милда просит её заняться крестьянами. Затем она prepares жидкость, в которую в большом количестве входит обычная водка, и идёт в загоны, где стоят разные виды испытуемых животных, походя приласкивая молодняк.

Пьяное пойло даётся борову.

Отношение Милды к животным самое заботливое, больше того, материнское.

Меся весеннюю глину огромными сапожищами, развевая по ветру свои прямо состриженные косы, хлопочет она в закуте.

В это время за ворота пункта с улицы заходит человек и выпивает остатки водки из бутылки, вынутой им из кармана.

Повернувшись, он оказывается в доску пьяным. Он идёт двором, встречается с пьяным боровом, причём ему кажется, что боров его передразнивает.

Он начинает за боровом гоняться, бросает в него тяжёлым предметом и вынуждает Милду к спокойной, но жёсткой физической расправе.

Несмотря на то, что он цепляется за неё и всячески сопротивляется, она его выволакивает за ворота и сдаёт милиционеру.

Тут же за воротами она застаёт группу сошедшихся для разговора отцов в пальто, кожанках, военных шинелях, державших на руках младенцев.

Одному отцу, который осматривает состояние пелёнок своего ребенка, она помогает, держит ребенка.

Отец, видимо удивлённый такой заботливостью её, спрашивает:
— У вас такого нет?

И на её отрицательный жест говорит, деловито оглядев:

— Продукт бы у вас хороший вышел. Молока бы вы много дали.

К Милдиному микроскопу принесли пробирку и воткнули в поставец с общей надписью: «Сперма, отравленная наркотиками». Под заголовком: «Алкоголь».

Боров лежит на боку.

Пьяного везут на извозчике.

В лабораторию входит один из работников племпункта, красивый парень.

Ласкова бросает крестьян и начинает разговор с ним.

У неё красивые, хорошо обутые ноги. Она садится на стол и всячески кокетничает с новоприбывшим.

Милда возвращается к своему микроскопу, видит, что крестьяне жмутся у стенки, покинутые Ласковой, презрительно глядит на ноги Ласковой и резко роняет:

— Чулками агитируешь?

Ласкова смешивается, соскакивает. Неловко махнув рукой, роняет мензурку. Милда не даёт мензурке упасть. Спокойно ловит её на лету, ставит на место и говорит:

— Половая дезорганизация.

Приготавливает покровное стекло с каплей отравленной спермы, и вот на экране, перебиваясь еле волочащим ноги пьяным боровом, вяло движутся бессильные отравленные сперматозоиды.

Милда прощается с крестьянками на крыльце.

Так как группа загородила проход, то Ласкова, также уходящая со службы, очень резко толкает Милду, чтобы пройти.

Впрочем, та на это обращает мало внимания.

Милда в продуктовом магазине покупает сыр и получает в кассе сдачу с трёх червонцев.

Милда перед витриной детских игрушек и платиц. Её интересуют расценки, потому что она, чуть не вывихивая шею, пытается прочесть расценочные ярлычки, завернувшиеся вверх и прикрытые складками одеялец.

Милда идёт вечерним бульваром. Её неуклюжая, обутая в тяжелую обувь фигура привлекает к себе внимание мужчин, пришедших на бульвар за женским мясом, лишь до тех пор, пока при свете фонаря они не разглядят неуклюжесть этой фигуры.

На скамьях застыли слипшиеся пары. Похотливые мужские лица выныривают из темноты.

Проходя мимо Милды, парни пытаются её затронуть, к ней прижаться.

В том, как она увёртывается от мужских рук, видна большая брезгливость.

Коридор дома, где живёт Милда. Сразу есть сходство в уходящей перспективе с коридором хлевов племпункта.

Проходят жильцы этого коридора — моссельпромщицы, люди с портфелями. Проносят громоздкие вещи. Женщины ходят с горящими примусами, кастрюлями.

В коридоре масса ребят. Они играют, чуть не наступая друг на друга. Совсем маленькие ползают по полу и роются в помойных вёдрах. Постарше лижут дверные ручки. Некоторые ревут. Матери, давая на ходу подзатыльники и перекладывая по две кастрюли в одну руку, прихватывают грубо ревущих младенцев и втаскивают их в комнату.

Мусорные вёдра стоят у дверей.

Коридором идёт Милда. По её пути приоткрываются, хлопают и распахиваются двери.

Комнаты... Уборная... Стена с надписями и рисунками. Со спины видно, как кто-то дорисовывает груди женской фигуре...

... Посиделка парней и девчат. Одна из девушек обвязывает электрическую грушу косынкой, снятой с головы. В комнате делается смутно, еле белеют восьмёрки гитар. Начинается кустарный танец, напоминавший и польку, и фокстрот. Парни балуются, выключая электричество и погружая комнату в темноту.

... В тесной комнатке свадьба. Мещанская свадьба с фатой, с крахмальными воротничками и густым запахом парикмахерской. Осоловелые пьяные глаза, крики «горько». Поцелуй...

... Крупно — поцелуй. ... Сифилитическая спирохета. ... Гонококк верхом на сперматозоиде. ... Слепой ребёнок (бленоррея). ... Ребёнок — урод.

... Большая кровать, на которой вповалку спят, кроме родительской пары, ещё несколько детей. Из-под одеяла ёрзающие взрослые ноги. Толчки будят ребёнка. Ребёнок спросонья отпикивает ногу. Наконец просыпается. С ужасом глядит на шевелящиеся ноги, забирает свою подушонку и одеяльце и слезает на пол...

... Полураздетая измождённая женщина отбивается от мужчины, крича ему:

— Оставь меня в покое!

Он становится у неё на пути и говорит:

— Муж я — и всё.

С большим трудом она прорывается в коридор и наталкивается на Милду. Муж хватается её за руку, пытается втащить. Милда становится между ними.

Живо сбегается весь коридор. Женщина плачет:

— Из абортотв не вылезает, проклятый.

Плачет Милде в плечо, утираясь передником.

Милда говорит:

— Бери развод.

Плачущую мать облепляют ребята. Но отец отрывает их от неё и загоняет в комнату при явном одобрении толпы. Женщина глядит на ребят, на свои иссохшие, жилами перевитые руки и отрицательно качает головой.

Милда, держа её за плечи, приказывая, почти гипнотизируя:

— По крайней мере, посоветуйся в консультации о противозачаточных.

Мужчины смеются. Женщины хмурятся и дают подзатыльники ребятам. Муж с помощью толпы отдирает женщину от Милды и, взяв её за руку, покорившуюся уводит обратно в комнату.

Старухи шипят Милде:

— В частных делах не путайся.

Милда в комнате. Она пытается читать. Ей это не удаётся. Строчки книги оборачиваются у неё поросёнком, козлёнком, молодым огурцом, парниковой рассадой, тигрёнком зоологического сада, верблюжонком и, наконец, ребёнком.

Бросив книгу, она ложится на кровать, и новое видится ей: подобно чудовищным клопам, из всех щелей ползут на пальцах человеческие пятерни, они вскарабкиваются на неё, облепляют её тело, она с трудом обирает их с себя, просыпается, резко подбегает к столу, хватается газету, ищет в объявлениях и подчеркивает карандашом: «Басманная консультация для беременных. От 9 до 1 и от 4 до 8.»

В коридоре приёмной консультации сидит большое количество женщин. Ближайшая к двери докторской комнаты — Милда. Из докторской двери выходит вчерашняя знакомица по коридору и, не отпуская доктора, настаивает:

— Дайте мне такую бумажку, чтобы муж меня не смел трогать. Вслед за ней в докторский кабинет заходит Милда.

— Доктор, я дезорганизована, — говорит Милда.

Доктор её осматривает.

— Ребёнок вас вылечит. Поговорите с мужем.

Милда вскакивает в негодовании:

— Где я его возьму?

Доктор реагирует на стук в дверь. Милда приводит себя в полный порядок.

В комнату входит врач в белом халате, очень красивый, изящный, вежливый. Он проходит к столу и роется там в книгах.

Доктор явно любит каждый его движение и говорит тихо:

— Вот от кого будет превосходное потомство.

Милда заинтересована.

На экране проходят, сменяясь, портреты породистых людей лет этак за триста, заканчиваясь портретом красивого врача.

Он покидает комнату, и вслед за ним доктор говорит мечтательно:

— Голубая кровь интеллигента.

В окно Милда следит за удаляющимся по тротуару к другому подъезду врачом. Он идёт, не обращая внимания на прохожих. Подчёркнуто одетая нарядная женщина идёт навстречу, минует его, и его голова оборачивается ей вслед.

Милда спрашивает:

— А классовая ненависть передаётся по наследству?

На много кварталов идёт стройка рабочих жилищ. Кирпич, бетономешалки, железные баки, леса.

В амбулаторию, находящуюся при стройке, входит Милда. Она встречается с врачом. Врач кончает перевязку руки рабочего. Товарищ, пришедший с этим рабочим, шутя хлопает своего пострадавшего приятеля по спине и уходит с ним. При перевязке резителен контраст бледного районированного лица врача и его узких аристократических рук с бронзой, чугуном и курносием рабочих.

Врач подходит к Милде. Глядя мимо него, она говорит:

— Покажите мне совершенно здорового пролетария.

На стройке работает автогенный сварщик Якив Кичкин, а ниже на той же клетке Гринько. Краны поднимают балки. Гринько руководит подъёмом. Кичкин проделывает сварку.

Часы показывают окончание рабочего дня. Звонит колокол. Яков отбрасывает на голову очки и, пока цепь подъёмника крана проходит мимо него, прыжком бросается на неё и скользит вниз мимо укоризненно качающего головой Гринько.

Гринько дожидается клетки лифта и вступает в неё только тогда, когда она, поравнявшись с площадкой, останавливается.

Милда с доктором движутся навстречу идущим к воротам рабочим. Доктор перехватывает идущего Гринько и знакомит его с Милдой. И затем то же делает с Яковом.

Видимо, Милда обескуражена тем, что их двое.

Яков пытается убежать:

— Меня ждут.

Но Милда его останавливает, вынимает записную книжку и спрашивает:

— Ваши предки были чистые рабочие?

Так вчетвером они движутся сквозь ворота на улицу.

Гринько, заглядывая в записную книжку Милды:

— Мой дед дьячок.

Липа — почтальонша мчится в почтовом автомобильчике отбирать письма из почтовых ящиков. Автомобиль вот-вот наедет на группу. Липа сигналист. Её не слышат. Липа кричит:

— Яшка, с дороги! — И, озоруя, направляет машину на группу.

Быстрым движением Гринько схватывает Милду за руку и оттягивает её назад. На одну десятую долю секунды заколебавшись, Яков в последнее мгновение перескакивает дорогу перед мчащимся автомобилем и в сердцах показывает кулак туда, где у почтового ящика уже стала машина, а Липа, улыбаясь, бежит навстречу Якову, причем лицо её серьезнеет, когда она замечает, что Милда, сделав знак Якову подождать, идёт к доктору, которому и задаёт какой-то вопрос.

Доктор иронически рассматривает Милду, обеих парней и, наконец, говорит:

— Перебежавший дорогу активнее.

Милда идёт прямо к Якову, не глядя ни на кого.

Липа подозрительно следит за их разговором.

Милда пишет в записной книжке, вырывает листок, передаёт Якову со словами:

— Зайдите сегодня вечером.

Яков вертит листок и собирается что-то ответить Милде.

Липа, уже выпрастывающая мешок с письмами из почтового ящика, кричит ему:

— Вечером в сад пойдёшь?

Переведя глаза с удаляющейся Милды на удаляющийся Липин автомобиль, Яков комкает записку, засовывает в карман и кричит вслед автомобилю:

— Освобожусь, пойду.

Комната Ласковой. Дешёвая будуарная роскошь. Статуэтки, пепельницы, фарфоровые безделушки, веера, расшитые подушки, несколько претенциозно подобранные картины на стенах.

Милда в углу дочитывает газету. Время от времени взглядывая на часы. Она ждёт Ласкову. Впечатление, что комната ей чужда и враждебна, с такой любопытствующей осторожностью, подчас безгловостью, она касается вещей.

Она тычет пальцем в мягкие подушки. Долго рассматривает висящее на стене открытое платье, прикидывает его на себя, надевает на кулак висящий на спинке кровати шёлковый чулок и мрачно исследует его лоснящуюся поверхность, открывает перед туалетным зеркалом пудреницу, рассматривает пуховку, замечает на стене клопа, давит его ногтём и запудривает получившийся след.

В это время в дверях появляется Ласкова. Увидев обидевшую её подругу, она внезапно хмурится, швыряя портфель, садится к Милде вполоборота и начинает подводить себе губы, говорит:

— Что угодно?

Милда наблюдает, как Ласкова красит губы, и зарисовывает у себя в записной книжке естественные очертания губ пунктиром, а нанесенный слой краски штриховой. Затем она говорит:

— Назови мне русские ласкательные слова.

Ласкова изумлена. Она иронически постукивает пальцем себе по лбу. Затем обходит Милду кругом. Та непроницаемо серьёзна.

Милда продолжает:

— Я латышка. Русский язык знаю слабо.

Ласкова ходит по комнате, размышляя, затем останавливается перед Милдой, начиная диктовать:

— Рыло, поганка, чучело.

Милда записывает, но, не дописав до конца, зачёркивает:

— А нежнее?

Ласкова диктует. Милда записывает:

— Чёртушка, сволочинка, дуроплясник.

Милда опять зачёркивает:

— Ещё нежнее.

— Миленький, милусенький, котёнок, милунчик, крохотунчик, глазастенький, роднусенький.

Милда подчёркивает по одинаковому совпадающие окончания и выписывает суффиксы: енький, усенький, унчик. Подходит к висящему на стене платью, снимает его с гвоздя и говорит:

— Дай на три дня. Я не испорчу.

Ласкова стоит столбом, пока Милда сворачивает платье и засовывает его в портфель.

Наконец, Ласкова говорит:

— Для агитации? — И криво улыбается.

Милда смотрит на неё. Не говорит на да, ни нет. Жмёт руку. Уходит.

Комната Милды. Она большими шагами ходит от двери к окну и что-то говорит, пока Яков следит за её движениями. Яков перебирает вещи, абсолютно симметрично разложенные на её столе.

Машинально, проходя мимо стола, она восстанавливает порядок линеек, карандашей, книг.

Она останавливается спиной к двери и замолкает, вопросительно глядя на Якова.

Яков говорит:

— Не пойму всё-таки, при чём тут я.

В это время дверь за спиной Милды приоткрывается. Одна из жилищ просовывает голову и показывает письмо. Милда рассматривает адрес, отдаёт письмо обратно и указывает направление по коридору. Затем, так же стоя спиной к двери, запирает её на ключ и говорит:

— Согласны вы быть отцом моего ребёнка?

На лице Якова даже удивления особого не выражено. Так, ухмылка и недоумение.

Милда быстро подходит к столу, роется в записной книге и последовательно выкладывает на стол перед Яковым удостоверение об отсутствии у неё венерических болезней и обязательство: «В случае, если от сожителства произойдёт ребёнок, то никаких претензий со стороны Милды Григнау к Якову Кичкину об алиментах не будет иметь места».

Дав ему прочесть, Милда говорит торжественно:

— Когда беременность обнаружится, мы расстанемся — и никаких претензий.

Она ждёт ответа. Он смеётся, потом мрачнеет, затем окидывает её сверху вниз внимательным взглядом, пожимает плечами и начинает искать кепку.

Она подходит к нему вплотную:

— Я знаю, я некрасивая.

Яков смутился. Выронил кепку. Поднял, отряхивает пыль. Отрицательно мотает головой.

— Подождите минутку, не уходите.

Милда уходит за ширму.

Он немного сидит, потом встаёт, глядит на часы, потом в сторону ширм. Он берёт книгу со стола, видит заглавие её: «Животноводство». Презрительно поглядев в сторону ширм, бросает книгу на стол, подходит к двери, дверь заперта, ключа в ней нет, ищет ключ.

Коридором идёт Липа, вглядываясь в номера на дверях.

Яков вставляет ключ в скважину. Из-за ширм высовывается голая Милдина рука.

Липа стучит в дверь.

Милда роняет ширму и возникает в новом платье, в косметике, модно подстриженная.

Яков делает ей жест молчания.

Липа стучит громче.

— Здесь такого нет!

Яков, как замороженный, движется к Милде и берёт её за руку.

Липа колотится в дверь, привлекая внимание всего коридора.

Яков против Милды, он держит её за руки:

— Руки у тебя экие могучие.

Милда, глядя как бы сквозь Якова, говорит:

— На этих руках буду качать маленького роднусенького каплюшончика.

Липа уходит по коридору. Навстречу её движению стекаются коридорные обитатели один за другим к замочной скважине. Они прислушиваются, приглядываются. Сквозь них пытается пробиться к скважине любознательный ребёнок. Его отшвыривают старухи с негодованием:

— Рано тебе гадости смотреть.

Яков смотрит на Милду. Её лицо двоится: то оно Милдино, то Липино.

Милда смотрит в лицо Якова. Это лицо превращается в голову младенца. Младенец ослепительно улыбается. Голова младенца превращается в полупрозрачный шар, катящийся по зыблемой nive ворсинок. Сумасшедшие жгуты сперматозоидов перехлёстывают спокойный шар. Шар стекленеет.

Воздушный шар. Гроздь воздушных шаров. Кипит торгом Смоленский рынок. Торговцы окружают всё пространство плотной стеной, стоя даже на трамвайных рельсах.

Маклаки, уговаривающие покупателя, не оборачиваются, даже когда трамвай их толкает в спину. Они это принимают за очередной тычок товарища по работе и досадливо отмахиваются.

Базаром идёт Яков. У него под мышкой увязанный цветок в горшке. Он приценивается к занавескам, долго и обстоятельно выбирая и рассматривая на свет.

Яков пропадает в толпе. Возникает Липа. Она в форменной кожанке. Вид её уныл. Она сутулится, но не упускает из виду Якова, явно выслеживая его.

В комнате Милды Яков пробует качающийся умывальник. Он торкает. Яков вынимает из кармана инструмент и чинит умывальник. Затем забирается на подоконник и прилаживает занавеску.

Липа входит в комнату и останавливается. Яков оборачивается, он поражён. Он соскакивает с окна. Липа засовывает ему в карман инструменты...

В двери входит Милда Яков освобождает свою руку из Липиной и подаётся к Милде. Липа опять одна. Вручает Милде телеграмму.

С Липой творится недоброе. Она правой рукой вынимает что-то из кармана своей кожанки.

Милда недоумённо вертит в руках телеграмму. Это белый листок бумаги.

Яков хватается Липу за плечо, она отпрядывает, выхватывает из кармана баночку с жидкостью и плещет в Милду.

Яков успеваеt перешибить удар. Жидкость летит в занавеску.

Занавеска истаивает, разъедаемая кислотой.

Яков заботливо разглядывает Милдино лицо — не пострадало ли оно.

В это время Милда видит, что Липа, вынув из кармана пузырёк со скрещёнными на нём под черепом костями, пытается откусить пробку.

Клубком единоборства покатались по полу Милда и Липа.

Милде удаётся выбить из Липиных рук бутылочку. Липа кусает Милдину руку.

Липу корчит в истерическом припадке.

Коридор наполняется людьми.

Люди выскакивают с вилкой, на которой наткнут кусок еды, в штанах, надетых на одну ногу: потому что на другую штанину в это время ставится заплата; с пером, с бумагой, с гитарой в руках, с кастрюлей.

Они сбиваются в дверях с криком.

— В домкоме аптечка.

Милда и Яков уводят сквозь толпу обеспамятевшую Липу.

Столпившись в дверях, жильцы сначала робко, потом решительнее входят в Милдину комнату. Стадом серых крыс они рассыпаются по комнате, обнюхивают каждую щёлку, каждое пятно, трогают

вещи, книги на столе, пробуют кровать, задирают одеяло, разворачивают мешок с грязным бельём, с особым ликованием обнаруживают пудру и губную помаду.

Один из жильцов нащупывает кипятилку для чая. Он недоумённо смотрит на неё, следит по проводу до штепселя и прорывается бешеным криком:

— Без счётчика энергию крадёт.

Толпа превращается в погромщиков, фурий.

Женщина, державшая в руках какую-то часть Милдиного туалета, брезгливо швыряет её. Спешно моет пальцы в Милдином же умывальнике и, не рискуя вытереться Милдиным полотенцем, вытирается о чей-то услужливо подставленный подол.

Крик.

— Освидетельствовать её!

Милда появляется на пороге. Она слышит этот крик. Она подходит к столу и говорит:

— Правильно, но только всех, — и тычет пальцем в стоящих перед ней женщин.

Толпа шарахнулась, возмущённая, всплеснули руками женщины. Мужчины нагло засунули руки в карманы.

Милда продолжает:

— А результаты — на домовую доску.

Топча расшвырянные вещи и отпихивая их ногами, толпа бросилась к двери.

Милда наводит на дверь наган.

Толпа шарахается обратно и сбивается около угла.

Милда говорит:

— Приберите комнату.

Люди бросаются прибирать разгромленное ими, пугливо озираясь на револьверное дуло.

На цыпочках, гуськом выходят вон из комнаты и в панике бросаются в коридор, роняя играющих детей.

Бледная и притихшая, спускается лестницей Липа. Яков хочет ей помочь. Она с отвращением отдёргивается от его руки.

Милда оглядывает комнату. Восстанавливает прежнюю симметрию. На полу какой-то предмет. Подымает его. Кладёт на подо-

конник под цветок. Это почтальонская сумка Липы, оторвавшаяся у неё во время борьбы.

Остекленелый шар, погружённый в клеточную ткань, делится пополам, а затем крест-накрест перетяжкой. Он пузырится как малиновая ягода. Под ним тонким переплётом возникают перепутавшиеся между собой капилляры.

Сердце бьётся ровно, расширяясь и суживаясь. Затем бой начинает учащаться. Чёрные расширения сердца переходят в чёрные капли, которые накапываются в стакан воды с носика пузырька.

Очень бледная Милда, прислоняясь плечом к косяку окна, накапывает капли в стакан.

Не выпив, отставляет. Отирает лоб тылом руки. Достает карточку табеля-календаря и в апрельском столбце перечёркивает крестом один из дней.

В дверь её комнаты с трудом лезет какое-то плетёное сооружение. Оказывается, это Яков, гордый и радостный, приволок детскую колясочку.

Не выпуская из рук коляски, Яков подходит к Милде. Чует запах лекарства. Берёт пузырёк. Ничего не понимает, смотрит на её лицо, на грудь и живот. Она берёт его руку и кладёт себе на живот. Яков, просясь, начинает имитировать отца.

Он взбивает тюфячок в коляске и кладёт его бережно.

Тюфячок превращается в ребёнка. Ребёнок, сбивая одеяло, норовит пососать свою ногу.

Закрывая его ногу одеяльцем, Яков говорит:

— Выньте, товарищ сын, ногу изо рта.

На телеграфном столбе сидит галка, смотрит вниз.

Плюшевый медведь смотрит на панель, сидя на подоконнике. По панели Яков везёт в коляске сына. Он показывает ребёнку на галку.

Из церкви идут старушки в белых платочках. Яков машет старушкам рукой — «в сторону». Ребёнок передразнивает движение Якова. Старушки расступаются, заглядывают в проезжающую коляску. На улице бешеное движение. Яков везёт тележку через улицу. Милиционер семафорит палкой. Замирает с разлёта трамвай, мо-

тоцикл, извозчик, грузовик, автобус, велосипедист. Коляска с ребёнком едет сквозь замершую улицу, сквозь стены, сквозь дома, подъезжает к Милде, продолжающей стоять в комнате у стола. В колясочке ребёнок исчезает.

Яков хватается Милду за руки, кружит её по комнате. Она энергичным движением освобождается от него.

Широким жестом Милда трясет руку Якова и говорит:

— Спасибо. — Рукопожатие шутливое, полуторжественное. — А теперь уходите.

Яков колеблется. Он уже было взял кепку, потом снова положил её на стол. Спрашивает:

— Когда прийти?

Милда отвечает:

— Совсем не надо.

Яков ничего не может понять. Понурясь, он машинально двигает вперёд — назад коляску.

Милда продолжает:

— Беременность обнаруживается — и никаких претензий.

Яков начинает сердиться, он наступает на Милду. Она мотает отрицательно головой как истукан. Яков жестикулирует уже не рукой, а коляской. Он не слышит и не видит, как в комнату вошла Липа. Милда, увидав Липин разыскивающий взор, передаёт ей сумку и говорит:

— Уведите его, пожалуйста.

Яков хватается за ручку коляску, замахивается ею в воздухе, чтобы расшибить её об пол.

Милда перехватывает коляску. Бережно ставит её на пол:

— Это вам пригодится.

Липа уводит Якова.

Милдина рука с карандашом высчитывает по табелю-календарю 9 месяцев и обводит овалом под декабрём.

Милда собирает по комнате вещи, разновременно оставленные Яковым. Его инструменты, кепку. Связывает их аккуратно узелком и надписывает на этом узелке адрес, укладывает в коляску. Затем пишет что-то на листке бумаги и вывешивает этот листок

со стороны коридора на своей двери. На листке написано: «ДОМА НЕТ».

Милда вешает на стене таблицу обязанностей беременной и рисунок гимнастики. Делает гимнастику согласно рисунку.

Яков пьёт в пивной. Липа сидит рядом, бессильная чем-нибудь помочь. Шинкарь передаёт Якову из полы в полу бутылку водки. Яков наливает под столом в стакан пива ещё и водки. Липа пробует погладить его по руке.

Он почти невменяем. Бессмысленно глядя перед собой, он выбрасывает на стол кошелёк, роняя одновременно кепку. Липа надевает кепку ему на голову, берёт кошелёк и идёт к стойке расплачиваться.

Тогда Яков подымается и за её спиной, подчёркнуто уверенными пьяными шагами, выходит из пивной.

Шатнулась дверь пивной. Шатнулось стремительно ещё несколько дверей, отразив под угол в своих стёклах и лаке дерева человеческое лицо и фонари. Взмах последней створки, и вот уже Яков в комнате Милды. Хозяйским жестом вешает он на гвоздь кепку, скидывает пиджак и швыряет его на кровать.

Он наступает на Милду:

— Отец я — и всё.

Милда отступает, проходя мимо стола, машинально берёт наган.

Он пытается её поймать за руку, промахивается, пьяно качается, неловкость его разъяряет. Он хочет её пнуть. Пинок ломает ножку стола. Со стола сыплются вещи.

Следующий пинок нацелен в живот Милды. Левой рукой загородив живот, она наносит Якову удар рукоятью нагана в лоб.

Яков лежит на полу. Над ним две женщины — Милда, защищающая живот, и Липа, только что появившаяся в дверях.

Когда проходит первый момент оцепенения, они начинают его приводить в чувство, причём командующая роль достаётся Липе. Они вместе кладут Якова на кровать.

Липа обмывает его. Он начинает шевелить губами. Кровь бежит со лба на подушку. Липа перевязывает ему голову полотенцем.

Она с ненавистью глядит на Милду:

— Натешилась.

Милда пододвигает к Липе лежащей на кроватном столике билет на поезд:

— Уезжаю на Днепр.

Липа идёт к столу, берёт кусок бумаги и карандаш, протягивает Милде:

— Оставьте ваш адрес.

Милда удивлена. Потом улыбается. Потом протягивает Липе руку.

Липа прячет свои руки за спину и говорит:

— Я не мириться.

Милда не понимает как следует, она берётся за карандаш.

Липа продолжает:

— Чтобы наши дети знали друг о друге.

Милда поняла. Твёрдо пишет она адрес.

Липа заканчивает фразу:

— Чтобы не было кровосмешения.

Растущий в стенке матки плод. Вот он уже напоминает кочку на поле. Лемеха плугов надрезают сырую весеннюю землю. Диски борон размалывают глыбы. Кочка срезывается начисто сталью лемеха.

Абортарий. Много белизны, никеля и пара над автоклавами.

На столе покрытая белым женщина. Это Ласкова. На муляже видно, как в матку проходит ложка для выскабливания. Небольшой бугорок среди кровеносных корешков подрезывается острым краем ложки.

Только одно лицо Ласковой. Рот раскрыт чёрной дырой.

В хлеву огромная худая, грязная, только что опоросившаяся свинья дожирает поросёнка.

В родильном доме конец родов. Совершенно измученное и измождённое лицо той женщины, которая ходила с Милдой в консультацию.

Около неё акушерка шлёпает и качает только что родившегося и ещё кровавого ребёнка.

Силясь приподняться на локтях, родильница кричит:

— Не откачивай, слышь, не откачивай, куда мне его.

Лопается зерно, давая место ростку.

Птенец проклёвывает скорлупу яйца.

На муляже последний этап родов. Выходит головка.

Ясное лицо Милды с закрытыми глазами.

Голова новорождённого ребёнка.

Купают новорождённого. Пускают в глаза капли. Вытирают рот.

Сосок груди, обтираемый тряпочкой. Рот ребёнка ползёт по груди, ища соска. Ребёнок ест, упираясь пятернями в грудь.

Милда открывает глаза.

Ест теленок. Едят поросята. Едят львята.

Днепр.

Совхоз на Днепре.

Стойлами проходит Милда, спеша на огород. Там идёт пропашка корнеплодов. Чёрная земля покрыта белой осыпью лепестков. Милда берёт пропашник из рук работника. Пашет.

Через гряды огорода бежит к ней парнишка с белым квадратом в руке.

Милда смотрит на конверт. Заказное. Племхоз Новоднепровский, Милде Григнау.

Адрес отправителя — Яков Кичкин. Иваново-Вознесенск, улица Маркса 3.

Милда дочитывает письмо. Там написано в конце: «... четвёртый раз категорически настаиваю встретиться мне с ребёнком. Разве я какой буржуй или гад, чтобы он меня стыдился.

Яков Кичкин».

Конверт и письмо аккуратно рвёт на самые мелкие квадратики. Бросает их. Квадратики вьются по воздуху и ложатся на землю, растворяясь в ряби лепестков.

ТРИ ГОДА БОЛЬШОЙ СРОК.

Фасад образцового детского дома. По фасаду полотнище:

КОНКУРС НА ЛУЧШЕГО РЕБЁНКА.

Кипение народа около подъезда.

Народ разбредается по отделениям.

Отделение выставки охраны материнства и младенчества.

На выставке макет детской умывальной комнаты. Макет освещается, если включить штепсель.

На стекле макета возникает лицо Милды. Это она рассматривает макет.

Лицо отодвигается.

Только макет во весь экран.

В макет открывается дверь. Входит ребёнок, за ним другой. На переднике первого медвежонок, у второго птичка. Второй, входя, долизывает остатки обеда с пальцев. Рядом с умывальником вешалка с детский рост. На них полотенца с изображениями же. Такие же изображения и на кружках, поверх которых лежат зубные щетки.

Дети моют руки. Чистят зубы. Один толкает другого. Тот бьёт его зубной щёткой по лицу. На лице след. Обиженный роняет кружку, выливая её себе на передник.

Милда входит в комнату, разнимает ребят. Снимает мокрый передник с медвежонком. Передаёт ребят няньке, вызвав её звонком.

Аплодирующая публика.

Пустая трибуна для врачей. Плакат.

ЗДОРОВЫЕ ДЕТИ — НАШЕ БУДУЩЕЕ.

Смотрительница идет в кабинет врачебных обследований.

Врачи вымеряют, выслушивают, мнут проходящих перед ними ребят.

Регистрационные карточки на столе ложатся по нескольким разным кучкам.

Подымаются.

Смотрительница предваряет шествие врачей.

Врачи возникают на возвышении над сплошняком голов.

— Первая премия.

Подходит мать с ребёнком на руках. При ней невзрачный отец, которого в первый момент смотрительница не хочет пропускать.

Врач демонстрирует призовика.

«Родился хилым, а как выкормили» / надпись/.

Аплодисменты. Отец конфузится. Мать запроваляет ему забившийся под пиджак ворот рубашки.

Снова говорит врач:

— Первая премия.

К врачу поднимаются Липа с Яковом. Липа держит ребёнка и что-то говорит Якову.

Тот убегает.

— Первая премия.

Старик с младенцем. Публика удивлена.

Старик недоволен напряжённым недоумением и говорит:

— Подкидыш.

С трибуны вниз в толпу врач. Наклоняется и передаёт жетон.

— Первая премия.

Это Милда У неё в руке фартучек с медвежонком. Она весёлая. Берёт жетон. Идёт сквозь толпу, помахивая первым жетоном.

За углом около трибуны встречается с Липой.

Обе женщины удивлены. Милда протягивает Липе руку.

Липа пытается выпростать свою руку из-под ребёнка. Но показав, что это ей трудно, руки не подаёт.

Липа испуганно озирается. Вслед за ней начинает озираться и Милда

Вдали в публике виден продвигающийся Яков.

Милда рванулась уйти. Липа её задержала, передала ей своего ребёнка и кинулась по направлению, где только что мелькнул Яков:

— Надо его увести.

Милда следит в том направлении, куда скрылась Липа, и в это время чёрной тенью падают через её голову к лицу ребёнка руки Якова, держащие слюнявочку.

Секунда напряжённого молчания.

Яков не сводит глаз с Милды:

— И ребёнок здесь?

Милда хочет спрятать за спину жетон, но это движение выдаёт фартучек. Уловив на фартучке медвежонка, Яков хватается фартучек и бежит вглубь дома.

Яков врывается в столовую, где ребята кончают есть.

Он ищет ребёнка с медвежонком. Отсюда перебрасывается сюда, где сидят высаженные на горшки. Оттуда в умывальную. Из умывальной в спальню.

Его гонят зрительницы, но он ошалел.

Какой-то ребёнок ловит его за фартук, тыча в медвежонка и требуя его себе.

Яков хватается ребёнка на руки:

— Мои глаза. Мой нос.

Бежит с упирающимся ребёнком туда, где оставил Милду. Торжествуя показывает ей карапуза.

Ни один мускул не трогается на её лице:

— Это фартук не моего мальчика.

Яков опускает на пол ребёнка. Роняет фартук. Его захлёстывает лавина идущих гулять малышей.

Милда делает в эту толпу предостерегающий знак кому-то.

Яков ловит этот знак и бросается в самую глубь ребят.

Он приседает на корточки, хватается ребёнка, жадно вглядываясь в лицо:

— Мой.

Наконец хватается одного из ребят и, показывая ему на Милду, кричит:

— Это твоя мама?

Милда стоит, вытянутая как статуя.

— Наш не знает слова «мама». Он знает слово «няня».

Яков остановился:

— Зачем?

Укачивая забеспокоившегося ребёнка, Милда говорит:

— Когда умирать буду, чтобы не плакал о матери.

Яков в ярости бросается к Милде. Она отступает к сыну.